

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

В древней ладанке
сокрыта последняя тайна
апостола Петра. Сияющий
изумруд несет свет
истинной веры, но, если
все камни попадут в руки
недостойных, великая
реликвия будет навсегда
потеряна...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Священный изумруд апостола Петра

Наталья Николаевна Александрова
Священный изумруд
апостола Петра
Серия «Артефакт-детектив»
Серия «Камни апостола Петра», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18157982
Священный изумруд апостола Петра: Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-85515-5

Аннотация

Этот камень Рагнар нашел в великом, но разграбленном варварами Риме, в подземном склепе, где был похоронен христианский святой. На груди у мертвого святого был крест с четырьмя драгоценными камнями. Четверо воинов-германцев поделили их между собой и разошлись в разные стороны. Рагнару, который отправился на север и прибил к викингам, несказанно везло – несколько раз в минуту верной гибели ему удавалось спастись!.. Аня Углова, которой умирающий археолог отдал найденную в древнем захоронении серебряную ладанку с наказом беречь ее как зеницу ока, сначала просто позабыла о ней. Однако когда с ней стали происходить странные вещи – нападения и попытки ограбления, – Аня вспомнила о ладанке. Ее подруга

Агния Иволгина, которая волею судьбы стала хранительницей трех из четырех пропавших в древности камней, взяв в руки находку археолога, сразу поняла, что жизнь вновь свела ее со священной тайной апостола Петра...

Наталья Александрова

Священный изумруд

апостола Петра

© Александрова Н. Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Тяжеловесный, приземистый драккар медленно плыл вдоль скалистого берега, поросшего чахлым редким кустарником.

Нос драккара украшала грубо вырезанная из дерева голова дракона. Впрочем, «украшала» – не совсем правильное слово. Голова дракона с оскаленной пастью и красными выпученными глазами скорее была призвана устрашать врагов, устрашать всех, кто увидит перед собой выходящий из тумана длинный корабль Хакона Секиры – морского конунга, известного всем прибрежным жителям своим неукротимым нравом, своей жестокостью.

Драккар Хакона медленно плыл вперед, разрезая форштевнем свинцовые воды. Борта его покрывали разноцветные щиты викингов, как чешуя покрывает тело дракона.

Сам Хакон стоял на носу корабля, позади драконьей го-

ловы, и нетерпеливо взглядывался в морскую даль. Впрочем, видимость была плохой: низко над морем стелилось серое покрывало тумана, похожее на лохмотья нищего бродяги.

Воины, которых Хакон повел за собой в этот далекий поход, отдыхали на низкой палубе драккара. Молодой скальд Эгиль Длинноволосый перебирал струны своей арфы и тихим голосом напевал старую песню о походах и сражениях. Кто-то слушал его, кто-то точил свой меч. Бывалые викинги, ясени битвы, как именовали их скальды на своем цветистом языке, прошли огонь, воду и медные трубы. Они верили своему конунгу и ждали от будущего славных битв и богатой добычи. Среди них наособищу держался хмурый германец по имени Рагнар: он тоже был опытным воином, на его счету было множество убитых врагов, но прежде ему не доводилось участвовать в дальних морских походах.

Он прошел через много земель, бывал и на далеком юге, и на таинственном востоке, побывал даже в великом городе Риме – точнее, на его развалинах, поросших густым кустарником и обжитых дикими зверями, и вот теперь в поисках новых приключений, новой славы и новой добычи присоединился к отряду викингов.

Впереди, на расстоянии полета стрелы от корабельного носа, берег плавно изгибался, образуя каменистый мыс. Там, за этим мысом, лежали неведомые земли, земли, где Хакону не приходилось прежде бывать. Хакон не боялся неизвестности, напротив, она будоражила его, заставляла кровь ки-

петь в предчувствии славных сражений и богатой добычи.

Кормчий Олаф повернул тяжелое кормовое весло, налегая на него грудью. Драккар качнулся, закрипел, медленно разворачиваясь, и обошел мыс.

Покрывало тумана начало медленно подниматься, словно отдернутое могучей рукой восточного ветра. И там, за этой пеленой, Хакон увидел корабль.

Корабль этот не был похож на славные драккары викингов. На его высоком носу красовалась фигура воинственной женщины, похожей на деву-валькирию, пузатые бока поднимались высоко над водой, словно корабль подминал под себя море. Главное же – вместо квадратного серого паруса драккара над кораблем поднимались огромные белые паруса, раскинутые в стороны, словно крылья неведомой птицы.

На носу незнакомого корабля стоял воин огромного роста, облаченный в медвежью шкуру. Голова медведя была надета на его голову наподобие боевого шлема, и оттого казалось, что у незнакомца четыре глаза, с яростью вззирающие на викингов. В руке у воина-медведя была огромная секира, какую, казалось, не смогли бы поднять два самых сильных викинга. Его косматая борода развевалась по ветру.

Хакон не испугался при виде этого великана: его сердце не знало страха, только жажда битвы, и чем страшнее соперник, тем больше славы эта битва принесет. Хакон выпятил грудь и крикнул хриплым могучим голосом, каким не раз перекрывал рев бури:

– Кто ты, облаченный в медвежью шкуру? Отчего ты стоишь на моем пути?

Огромный воин выкрикнул что-то в ответ, но Хакон ничего не понял: воин-медведь говорил на неведомом ему языке.

Тогда Хакон снял с борта драккара свой щит и повернул его к встречному кораблю внутренней, белой стороной: это означало предложение мира.

Однако воин-медведь не внял его предложению: он легко, как пушинку, поднял свою огромную секиру и закрутил над головой.

Это было нарушением древнего ритуала: в ответ на предложение мира незнакомый воин мог либо принять его, показав свой щит также белой стороной, либо отвергнуть, повернув внешней, красной, расписанной зверями и чудовищами. Впрочем, Хакон понял главное: огромный воин не собирается уходить с его пути, не собирается пропустить его в неведомые земли, а значит – слава Одину, – битвы не миновать.

– К бою, ясени битвы! – рявкнул Хакон, поднимая над головой свой верный меч. – К бою, и да будет с нами сила Одина!

Викинги повскакали со своих мест, хватая мечи и секиры, снимая с бортов драккара свои щиты, надевая тяжелые шлемы, украшенные бычьими рогами. Рагнар повесил щит на плечо, приготовил к бою свой верный меч по имени Быстрый Огонь, встал к борту драккара рядом с бывальными ви-

кингами.

Парус драккара наполнился ветром, и корабль викингов устремился навстречу врагу. Пузатый корабль воина-медведя тоже прибавил ходу, и вскоре два корабля шли навстречу друг другу, как два могучих лося во время гона.

Казалось, еще мгновение – и корабли столкнутся форштевнями, драконья голова на носу драккара ударится в грудь девы-воительницы, но в последний миг кормчий Олаф повернул руль, и драккар заскользил вдоль борта вражеского корабля.

Викинги, в чьих руках были абордажные крючья, ловко забросили эти крючья на борт пузатого корабля, натянули канаты, стягивая корабли бортами.

Вражеский корабль был намного выше драккара, что давало противникам некоторое преимущество. Викинги все еще не видели своих врагов, за исключением их предводителя: те были скрыты высокими бортами своего корабля.

И вдруг из-за этих бортов на драккар посыпался дождь стрел.

Стрелы эти летели, издавая в полете пугающий, отвратительный вой, словно злобные ведьмы Рагнарёка, и вонзались в викингов, нанося им страшные раны. Сосед Рагнара, которому такая стрела попала в плечо, выдернул ее и оглядел с изумлением: у этой стрелы был тройной наколечник, как у маленького трезубца, отчего стрела оставляла страшную кровоточащую рану.

Дождь стрел прекратился так же внезапно, как начался, и в то же мгновение воины врага показались над бортом корабля.

Вид их был устрашающим: косматые бороды, звериные шкуры, лица, покрытые черной и красной краской. Вооружены они были длинными кривыми мечами, которыми размахивали, как мельницы крыльями. Вдобавок они закричали страшными звериными голосами.

Но викинги не испугались, они бросились вперед, стремясь вскарабкаться на борт вражеского корабля.

Закипела кровавая битва.

Тяжелые прямые мечи викингов с громким лязганьем скрещивались с кривыми мечами врагов. То и дело взвизгивали трехконечные стрелы, разя викингов. Одна из этих стрел ударила Рагнара в грудь. Не почувствовав боли, Рагнар посмотрел на стрелу.

Стрела даже не ранила его, она застряла в одежде, точнее – в кожаном мешочке, который Рагнар носил на груди.

В этом мешочке германец носил самое дорогое свое сокровище: прекрасный камень, полупрозрачный и зеленый, как полуденное море южных стран.

Этот камень Рагнар нашел в великом городе Рима, в подземном склепе, где был похоронен христианский святой. На груди у мертвого святого был крест с четырьмя драгоценными камнями, и четыре воина-германца поделили эти камни между собой. Рагнару достался этот, зеленый ка-

мень...

Однако сейчас был не самый лучший момент, чтобы предаваться воспоминаниям. Битва, которую скальды называют на своем языке вьюгой копий, кипела.

Хакон привел себя в боевую ярость берсерка и врубился в самую гущу врагов, сражаясь двумя мечами, не обращая внимания на кровоточащие раны. Косматые вражеские воины облепили его, как собаки медведя, и пытались столкнуть в воду.

Вода в узком зазоре между драккаром и кораблем противника покраснела от крови и кипела, как котелок над огнем: там бесновались хищные рыбы, ожидая поживы.

Рагнар перепрыгнул этот кровавый зазор, вскарабкался на борт вражеского корабля – и тут столкнулся лицом к лицу с вождем врагов, воином-медведем. Тот поднял над головой свою огромную секиру, лицо его исказилось свирепой гримасой ярости. Рагнар пригнулся, отступил в сторону и взмахнул мечом по имени Быстрый Огонь. Меч оправдал свое имя, полоснув косматого гиганта по боку. Но тот, словно не почувствовав этого удара, бросился вперед. Огромная секира взмахнула в воздухе. Она рассекла бы Рагнара надвое, но тот поскользнулся на залитой кровью палубе и упал за борт.

Ледяная вода обожгла его, дыхание зашлось, как от сильного удара в живот. Рагнар попытался ухватиться за борт драккара, но руки соскользнули с окровавленного дерева, и он

ушел под воду под тяжестью своих доспехов.

– И вот, пошел я в университет, – говорил Сиротин, широко размахивая руками, так что вода из ведра лилась ему на худые загорелые ноги, – все честь по чести, созвонился с профессором Пуховым, так и так, говорю, хотел бы вам кое-что показать, есть у меня кое-какие соображения, если все подтвердится – это будет настоящая сенсация! Весь научный мир перевернется с ног на голову! Ну, прихожу я туда... рассказывал я тебе про это?

– Сто раз уже, – фыркнула Аня и отобрала у Сиротина ведро, там и так уже половина воды осталась.

Он не заметил, стал еще сильнее размахивать руками.

– Ну, значит, прихожу я в комнату номер девятнадцать, а там сидит какой-то хмырь в костюме и в очочках таких узких. Это вы, говорит, насчет очередного кургана в Новгородской области? Ну, я, говорю, а вы-то кто? Вроде бы на профессора Пухова не очень смахиваете, я его по телевизору видел, на канале «Культура». Вот-вот, говорит, в этом все дело и есть. Как только подрядился профессор цикл передач вести на канале «Культура», так ему прохода не дают, каждый норовит про свои изыскания и открытия рассказать. И каждый уверен, что нашел не меньше чем могилу Аттилы или руки от Венеры Милосской. Причем у себя в огороде, чтобы далеко не ходить.

Аня не удержалась и хмыкнула, представив, как Сиро-

тин приделывает руки статуе Венеры Милосской. Сиротин, ушедший вперед по тропинке, повернулся и посмотрел на нее внимательно, даже борода у него вздыбилась. Аня тут же сделала глуповатое выражение лица и захлопала глазами.

Не помогло, Сиротин смотрел пристально, словно видел ее насквозь. Придется менять тактику.

– Что пялишься? – визгливо заорала Аня. – Что вылупился на меня? Борода седая, а туда же, так и норовишь под юбку залезть! Все вы, мужики, одинаковые!

– Да кому ты нужна-то! – вздохнул Сиротин, пренебрежительно махнув рукой. – Пойдем, уж, должно быть, наши вернулись. Эх, Анюта, хорошая ты баба, только с головой совсем не дружишь. Вот скажи, откуда у тебя синяк свежий? Опять вчера напилась и на сучок налетела?

– А твое какое дело, – буркнула Аня, – ты мне кто – муж? Или папаша родной?

– Упаси бог от такой доченьки! – всерьез испугался Сиротин. – Еще прибьешь ненароком. Очень ты, Анюта, злая, неконтактная. Тяжело с тобой...

– Знаю я ваши контакты!

Тут они пришли наконец в лагерь, и Сиротин ушел в палатку к своим записям. Было тихо, только хромой Федор что-то мастерил у подножия кургана. Аня простирнула кое-что в старом тазу с отбитой эмалью, помешала в закопченном котле, который стоял на самодельном очаге, затем сложила

белье в корзину и пошла к реке.

– Эй, девка, не сгорит у тебя варево-то? – окликнул ее Федор.

– Не, там, в костре, одни угли остались. – Аня махнула рукой и ступила на тенистую тропинку.

Однако через несколько шагов поставила корзину и вернулась тихонько назад. Ничего не изменилось – Федор все так же строгал дощечку, из палатки доносился голос Сиротина, наговаривающего на диктофон свои наблюдения и заметки. Ну, этот-то теперь часа два бубнить станет, ничего не заметит. Немножко не понравился Ане взгляд Федора – слишком хитроватый. Все похохатывает, да похмыкивает, а сам нет-нет, да глазами зыркнет. Небось спереть что хочет по мелочи. Хотя пока за ним такого не водилось.

Да, откровенно говоря, и брать-то у них в лагере нечего. Денег ни у кого нет, инструментов дорогих тоже, лопаты да топоры, вот и все имущество. У Сиротина диктофон и фотоаппарат простенький. Нечем, в общем, поживиться.

Аня снова развернулась и пошла по тропинке, подхватив корзину. Спустившись к речке, она не стала располагаться на камнях, а свернула в сторону и юркнула в кусты. Продралась неслышно сквозь заросли и оказалась на небольшой полянке, даже со стороны реки ее скрывали высокие камыши. На полянке никого не было, слышно было только, как гудит мохнатый шмель в цветке купальницы. Аня присела на корточки и прислушалась. Ага, вот едва слышно хрустнул сучок,

пискнула мелкая пичуга.

– Привет, – сказала Аня, повернувшись лицом к лесу.

И именно с той стороны появились две фигуры в пятнистой одежде.

– Привет, – ответил Лис мрачно.

Все ясно, усмехнулась мысленно Аня, злится, что не сумели они подойти к ней незаметно. Ну, чисто как дети, ей-богу!

– Анюта, дак ты тута? – дурашливо осклабился Зюзя. – Привет тебе, привет!

И раскланялся чуть не до земли.

– Рожу-то зачем разрисовал? – спросила Аня насмешливо. – Чай, не в джунглях.

– Из интереса, – признался Зюзя, – девок пугать. Да только никого тут, кроме тебя, нет, а тебя пугать – пустое дело.

– Это точно, – согласилась Аня.

– Кончай трепаться, – хмуро буркнул Лис, – по делу говори. Новости есть?

– Нет, – вздохнула Аня, – пока все по-старому.

– Фигня все это, – убежденно сказал Зюзя, – зря только время теряем. Ничего этот ненормальный не найдет. Дурак он.

– Да не дурак, раз сумел Басаргина заинтересовать, – возразила ему Аня.

– Без фамилий, – шикнул Лис, – поменьше болтай!

Аня понимала – мужики злые оттого, что торчат здесь пя-

тый день в полной дикости. Ни поесть горячего, ни помыть-ся толком. Палатку и то не поставить, спят, как звери, в яме. Парни, конечно, ко всему привычные, лишь бы дело выгорело. Но это-то как раз и неясно. У Ани и у самой сомнения есть, а ведь она две недели уж здесь торчит. Осточертело все, но работа есть работа.

Наняли их для того, чтобы к Басаргину поближе подобраться. Богатый он мужик и, по слухам, сволочь первостатейная. Конкурента ему подставить – раз плюнуть, компаньона обдурить, по миру пустить – маслом по сердцу.

Ну, Аня в эти дела не вникает, у них задача – Басаргина взять тихо, без шума, и доставить куда надо. Один большой человек с ним поговорить хочет. А что уж потом будет – их не касается. Но Басаргин – хитрый черт, опасность за версту чувствует, знает небось, что полно людей, которые на него зуб имеют. Поэтому в городе к нему не подобраться без шума – охрана у него серьезная. Семья за границей, постоянной любовницы нету – так, девицы случайные время от времени.

Одна у него слабость – клады любит искать. В детстве, верно, в пиратов не наигрался. Хотя, по рассказам, Басаргин такая сволочь, что сомнение некоторых берет, было ли у него детство.

В общем, дает он деньги на разные такие предприятия. Корабль, затонувший в восемнадцатом веке в Финском заливе с грузом золотых монет, отыскивали на его деньги, клад, атаманом Стенькой Разиным зарытый, тоже нашли, теперь

вот это чучело Сиротин сумел его заинтересовать могилой в кургане.

Дескать, должна быть тут могила знатного викинга, заходили они сюда, про это точно известно. Находят хорошо сохранившиеся следы, но Сиротин высчитал, что должна быть где-то в этих местах богатая могила вождя. Подвинулся на этой мысли, доказательства приводил, по его словам, неопровержимые.

Ну, Аня про это не слишком понимает, да только ученые ему все равно не верили. Поперли его из университета, как дилетанта и авантюриста. Тут как раз он с Басаргиным и сговорился. Про это быстро известно стало – Сиротин же болтал направо и налево о том, что раскопки сам Басаргин финансирует, вот и поставили перед Аней с товарищами задачу – караулить Басаргина на раскопках. Потому как точно известно, что азартный он, как только узнает, что нашли могилу, – сразу же появится, чтобы на месте все рассмотреть.

И кучу охраны с собой не потащит, а уж с двумя-тремя Лис с Зюзей справятся. Ребята надежные, не первый раз вместе работают. Лис – мужик серьезный, в таких переделках побывал, что одному человеку и не представить; Зюзя, хоть и любит дурака повалять, в деле хорош, можно на него положиться.

Аню заслали пораньше – для предварительной прикидки. Устроилась она поварихой, а чтобы мужики не вязались, сделала из себя уж такую шалаву, чтобы на самый невзыскатель-

ный вкус противна была. С мужиками-то она справится легко, хоть целый взвод против нее выстави, но ведь из образа выходить нельзя.

Мужчин в лагере было трое, не считая Сиротина. Этот весь ушел в свои раскопки, Ане от него не было никакого беспокойства. Хромой Федор вел себя прилично, через два дня на третий ездил в деревню на велосипеде, как он говорил, к бабе под бок.

Были еще двое землекопов – всегда полупьяные, хоть Сиротин и установил в лагере сухой закон. Этим отпугивал Анин внешний вид и скандальный характер. Ходила она всегда в грязноватых джинсах, оторванных по колено, и несвежей майке. Волосы немыты, под глазом аккуратно пририсовывала синяк. Еще цыкала зубом, шмыгала носом и нарочно делала голос визгливым. Еще на нее находило – вдруг начинала трястись и кататься по земле с воем.

Такой цирк пришлось устроить один раз, когда Витька-землекоп окончательно залил глаза и полез к ней ночью. Федор вылил на нее пару ведер ледяной воды, тогда только Аня прекратила припадок. Сиротин тогда взял ее к себе в палатку, а утром подарил свою рубашку взамен разорванной Витькой майки. Вообще-то он как человек ничего, только на своей идее повернутый.

И вот время идет, а у них до сих пор результатов никаких. Роют-роют, а толку...

– Так и будет твой Сиротин валандаться все лето, – завор-

чал Лис, – как бы Басаргину не надоела эта бодяга!

– Уже, – сказала Аня, – уже надоела. Он, как ты знаешь, деньги на ветер бросать не привык. Так что сегодня оборудование привезут специальное. Какой-то электронный сканер. И человек придет понимающий. Если уж сканер этот ничего не увидит, тогда сворачиваем раскопки, так Басаргин сказал.

– Ну, подождем еще пару дней, – нехотя сказал Лис, – все равно делать нечего.

– Пойду я. – Аня огляделась и направилась к речке. – Если что – ждите сигнала.

Она вышла из-за кустов и увидела, что на бережку стоит Федор и пялится на корзину с бельем.

– Ты куда это подевалась, девка? – спросил он.

Ане ужасно лениво было устраивать сейчас скандал, поэтому она отлаялась почти мирно:

– Совсем сдурел, извращенец! Подсматриваешь, как баба по нужде ходит?

– Надо больно, – сказал Федор, – да на тебя и так-то смотреть – оторопь берет...

При этом глаза его были вовсе не злые, а очень серьезные и внимательные. Но Аня в это время отвернулась, занятая бельем, так что ничего не заметила.

Подходя к лагерю, Аня услышала незнакомые голоса, короткий сухой смех. На площадке перед палаткой стоял внушительный черный джип, забрызганный грязью, возле него

копошились мужики-землекопы под командой Федора. Чуть в сторонке стоял молодой парень с коротким жестким ежиком рыжеватых волос, о чем-то разговаривал с Сиротиным, то и дело коротко посмеиваясь.

Мужики вытащили из багажника джипа большой тяжелый ящик, вяло переругиваясь, понесли к палатке. Один из них споткнулся, едва не уронив груз, Федор подскочил, подхватил угол ящика. Рыжий парень метнулся к ним, лицо его перекопилось:

– С ума сошел, криворукий! Сказали же тебе – бережно обращаться, это же дорогущее оборудование!

– А мы что, мы разве не понимаем... – вяло отмахнулся землекоп. – Мы знаем, тут работа тонкая...

Наконец джип разгрузили, рыжий принялся распаковывать оборудование.

Аня подошла к Сиротину, с любопытством спросила:

– Алексей Иваныч, это что же такое привезли?

– Это, Анята, самое что ни на есть современное оборудование, – ответил Сиротин с каким-то странным, недоверчивым выражением. – «Ультразвуковой сканер» называется. Двадцать первый, понимаешь, век! Сквозь землю видит, Анята!

– Пряма-таки сквозь землю? – Аня изобразила недоверчивое восхищение. – Как рентген, что ли?

– Вроде того, только гораздо лучше.

– Выходит, и копать не надо?

– Копать надо, – проговорил рыжий, который, оказывается, слышал их разговор. – Но не вслепую, как раньше. Сначала увидишь, что под землей находится, а потом уж копай...

– Мы и раньше не вслепую копали, – обиженно отозвался Сиротин. – Археология – это серьезная наука, археолог по тысяче разных примет определяет, где может быть захоронение, проводит предварительные расчеты и только потом копает...

– Вы только не обижайтесь, – усмехнулся рыжий. – Но раньше вы были вроде лозоходца, который под землей воду ищет, – гадали на кофейной гуще, копали где бог на душу положит...

– Ну, уж нет! – возмутился Сиротин. – Археология – это точная наука!

– Что же вы за столько времени ничего не нашли? – Рыжий искоса посмотрел на Сиротина. – Ладно, ладно, Алексей Иванович, не обижайтесь! Сейчас мы с вами совместными усилиями разберемся, есть тут захоронение или нет!

– Несомненно, есть! – вскинулся Сиротин. – У меня на этот счет нет ни малейших сомнений! На это однозначно указывают все косвенные приметы...

Однако через несколько часов он выглядел не так уверенно.

Рыжий собрал свою аппаратуру и уселся перед тускло светящимся экраном, его водитель, нагловатый, плохо выбритый тип с кривыми редкими зубами, ходил по раскопу с ан-

тенной сканера в руках. Сиротин следил за экраном через плечо рыжего и охал:

– Не может быть! Но я совершенно уверен, здесь однозначно должно быть захоронение...

– Не знаю, в чем вы уверены, Алексей Иванович, но только ничего здесь нет! Вы же сами видите...

По экрану проплывало однообразное серое море – глинистая почва с вкраплением небольших камней.

– А я считаю, что этот прибор недостаточно чувствительный! Есть здесь захоронение!

– Это самый чувствительный прибор, какой существует на данный момент!

– Эй, постойте, а это что?! – вскрикнул Сиротин, удивленно уставясь на экран.

Там мерцало какое-то небольшое цветное пятно.

– Действительно, что-то есть! – оживился рыжий. – Вот сейчас мы с вами и посмотрим!

– Федор! – окликнул Сиротин старшего рабочего. – Копните-ка там, где сейчас находится сканер!

Федор оживился, поплевал на ладони, схватил лопату, бодро принялся копать.

– Федор, осторожнее! – взмолился Сиротин. – Я же вам говорил – не ведите себя как слон в посудной лавке! Работайте бережнее, чтобы не повредить возможную находку!

– Эту, что ли? – Федор вытащил из раскопа погнутую ложку. Ложка была алюминиевая, вся в царапинах, с крупной

надписью «Общепит» на черенке.

– Да, вряд ли этот артефакт имеет большую историческую ценность! – усмехнулся рыжий, – Но теперь, Алексей Иванович, вы не будете сомневаться в чувствительности моего прибора!

Сиротин обиженно фыркнул.

Шофер продолжил бродить по раскопу, вода перед собой рогулькой антенны.

– Боюсь, что мы напрасно потратили время, – проговорил электронщик, привычно следя за экраном. – Ничего здесь нет... мы обследовали уже всю площадь раскопа...

Вдруг водитель испуганно вскрикнул и метнулся в сторону от раскопа, скатился по склону кургана, по дороге выронив драгоценный прибор.

– Геннадий, в чем дело? – раздраженно крикнул рыжий. – Ты же знаешь, сколько это стоит! Если сломал антенну – я тебя в порошок сотру! Без премиальных оставляю!

– Так змея там! – оправдывался водитель. – Вы же знаете, Игорь Сергеич, я змей не выношу!

Он поднял антенну и осмотрел ее:

– Так ничего вашей антенне не сделалось! Это я, похоже, ногу подвернул, а антенна целехонька!

– И вроде работает... – констатировал рыжий. – Эй, посмотрите-ка, а это что такое?

На экране сканера отчетливо проступила вытянутая россыпь цветных пятен.

– Так это же в стороне от раскопа... – неуверенно проговорил Сиротин. – Но вообще-то очень похоже... да, и это не одиночный объект, а целый комплекс...

– Может быть, там захоронен целый общепитовский сервиз? – поддразнил его рыжий электронщик.

– Да ну вас, – обиделся Сиротин и снова поискал глазами своего главного исполнителя. – Федор, берите всех людей и копайте там, где сейчас антенна!

– Там, что ли? – Федор согнал землекопов к подножию кургана, расставил их цепочкой, все дружно принялись копать.

– Только осторожнее! – повторял Сиротин, бегая рядом с ними и судорожно размахивая руками. – Умоляю вас, осторожнее! Не повредите находки!

Сиротин сам схватил лопату и присоединился к землекопам.

Общее воодушевление не миновало и Аню. Она присоединилась к мужчинам, осторожно снимая слой почвы маленькой, почти детской лопаткой, не забывая при этом исподтишка поглядывать по сторонам.

Не слишком нравилось ей, что прибыли еще двое людей – этот специалист и его водитель. Не нравился ей водитель – нагловатый, что-то из себя строит. Такие люди мешают.

Пока что водитель покуривал, смотря на рабочих с откровенным пренебрежением, а рыжий электронщик стоял в сторонке, наблюдая за работой.

Через час раздался восторженный голос Сиротина:

– Есть! Нашел! Нашел!

Все стали работать еще осторожнее, и вскоре уже можно было разглядеть древнюю могилу.

В глубокой продолговатой яме лежал хорошо сохранившийся человеческий скелет, облаченный в полуистлевшее одеяние с нашитыми на него металлическими бляшками. На груди мертвеца лежала круглая серебряная ладанка с чеканным узором, череп его мрачно смотрел на археологов пустыми провалами глазниц, на нем красовался хорошо сохранившийся шлем.

Рядом со скелетом лежал длинный заржавленный меч с начертанной на нем полустертой рунической надписью, по другую сторону – короткий нож в кожаных ножнах, возле правой руки – кожаный кошель. Этот кошель полуистлел и прорвался, из него просыпались на землю несколько тусклых монет.

– Это просто чудо! – бормотал Сиротин, молитвенно сложив руки. – Такое прекрасное, хорошо сохранившееся захоронение... все вооружение сохранилось... – Он повернулся к электронщику и торжествующим тоном проговорил:

– Вот видите, Игорь, вы сомневались, а мы все-таки нашли захоронение!

– Только не там, где вы искали.

– Практически там. Я понял, в чем дело: его могилу вырыли сбоку от кургана, сделали к ней наклонный ход, что-

бы спрятать захоронение от возможных грабителей. То есть курган, собственно говоря, – обманный. Такие обманные захоронения часто делали в Египте, а для могил викингов это крайне необычно, так что это захоронение совершенно уникально. Я сделаю об этом захоронении доклад на международной конференции, это будет сенсация! – Он спохватился и добавил: – Я, конечно, благодарен вам, коллега, вы мне очень помогли, но и вы должны признать, что археология – весьма точная наука!

– Признаю, признаю! – Рыжий поднял руки. – Все, что угодно признаю, главное, что мы его нашли, это захоронение!

Анна перехватила взгляд Федора. Он пристально смотрел на могилу, точнее – на кошель мертвеца и просыпавшиеся из него монеты, с волчьей жадностью. Заметив, что Анна смотрит на него, привел свое лицо в порядок, придав ему обычное безразличие.

– Это кто же такой? – спросила Аня у Сиротина, разглядывая могилу. – Князь, что ли, какой-нибудь?

– Ну, князь не князь, – ответил археолог, неохотно оторвавшись от захоронения. – Но и не простой человек. Это, Аня, викинг. Были, Аня, в давние времена такие скандинавские воины, которые добирались до самых дальних земель...

– Даже и до наших? – недоверчиво переспросила Аня.
– И не только до наших, но и куда дальше! Викинги ос-

новали свое королевство в Сицилии, доплывали до Африки, а по некоторым данным, именно они открыли Америку... У них в крови, Анюта, была жажда путешествий, открытий, им не сиделось на месте... они были путешественники, первооткрыватели...

– Ага, ну это прямо как Сережка, Маши Кузнецовой муж. Ему тоже все на месте не сиделось, двух детей Машке сделал и умотал на Дальний Восток, на заработки. Денег никаких не прислал, а прислал оттуда телеграмму – мол, встретил другую, не обижайся... Все вы, мужики, сволочи... – Аня сплюнула, скривилась и отошла в сторону, чтобы Сиротин не закрывал ей обзор.

Сиротин ее не слушал: он спустился в яму и внимательно перебирал находки.

Рыжий электронщик тем временем достал какой-то необычный, очень большой телефон, вытянул из него раздвижную антенну и набрал номер.

Аня поняла, что это спутниковый телефон, и с самым невинным видом подошла поближе. Точнее, невинный вид у нее не получался, а получался вид крайне бестолковый, даже тупой. Ну, так, может, еще и лучше.

– Антон Антонович, – говорил рыжий в трубку. – Да, мы нашли... нашли это захоронение. Да, очень хорошее состояние. Просто отличное. Приезжайте... – Тут он повернулся к Ане: – Тебе чего тут? Своих дел мало?

– Да пошел ты! – За долю секунды она успела подхватить

кучу щепок для костра, что валялись рядом. – Вот как раз дел у меня навалом, небось жрать вы три раза в день требуете!

«Вот так вот, – подумала Аня, делая вид, что чистит котелок. – Мышеловка готова, приманка в ней лежит. Басаргин получил сообщение и скоро приедет. Осталось немного подождать – день, может, самое большее два, и операция будет завершена...»

Тут она повернулась в сторону костра и увидела, что возле него крутится Федор. Вдруг от костра повалил к небу столб густого черного дыма.

– Федь, ты чего тут делаешь? – Анна припустила к костру. Федор повернулся к ней, на его лице промелькнуло то ли недовольство, то ли растерянность.

– Да ничего я не делаю! Костер чуть не погас, я вот и подложил в него топлива! Ты бы, девка, лучше за огнем следила, чем за мной! Кто ты такая, чтобы мне выговаривать?

Он отошел от костра, что-то сердито бормоча, Анна подошла ближе и закашлялась, наглотавшись дыма.

В костер были подброшены сырые ивовые ветки, они-то и давали этот густой черный дым.

Аня вытащила ветки из костра, залила их водой, подбросила в костер сухого хвороста.

Огонь запылал с новой силой. Анна подвесила над ним котелок и задумалась.

Зачем Федор подбросил в костер сырые ветки?

Он, толковый деревенский мужик, должен прекрасно понимать, что от них никакого прока, ничего, кроме дыма. Значит, он и хотел, чтобы костер задымил...

А для чего это может быть нужно?

Только для того, чтобы подать кому-то сигнал. Вот это как раз все объясняет.

Выходит, что Федор не так прост, как кажется? Выходит, он, как и сама Анна, играет здесь какую-то роль, работает под прикрытием, как говорят полицейские? Иначе с чего бы это нормальный, работающий, непьющий мужик устроился землекопом к Сиротину за совершенно смешные деньги? Даже здесь, в новгородской глуши, мог бы и получше работу найти...

То-то он так разозлился, когда она застала его за этим делом! Прямо зверем на нее поглядел!

Во всяком случае, ей нужно держать ухо востро и внимательно следить за развитием событий! И в любом случае нужно сообщить о сегодняшних событиях ребятам...

Уйти незамеченной на место встречи она не могла, значит, придется воспользоваться экстренной связью.

Аня бросила в котелок кусок мяса, добавила душистых корешков и соли, огляделась по сторонам и с независимым видом отправилась к палатке. Достала свой мешок, нашла в нем пудреницу – с виду дешевенькая пластмассовая поделка с отбитым краем, подцепила ногтем заднюю крышку.

В пудреницу была вставлена портативная рация, слабень-

кая, расстояние уверенной связи не больше трех километров, но до укрытия ее сообщников хватает. Анна нажала сигнал вызова, дождалась ответа и вполголоса проговорила в микрофон:

– Код четырнадцать. Нашли захоронение, сообщили об этом Басаргину, он должен в ближайшее время прибыть, так что операция выходит на финишную прямую.

Она выслушала подтверждение приема и хотела уже прекратить сеанс связи, но передумала и добавила:

– Старший рабочий Федор странно себя ведет.

– Что значит – странно? – услышала она голос Лиса.

– Мне кажется, он кому-то подал сигнал, когда нашли захоронение. Не нравится мне это. Мне кажется, здесь есть еще какая-то сила, о которой мы не знаем.

Лис выслушал ее с сомнением, но принял информацию к сведению. Анна едва успела захлопнуть заднюю крышку пудреницы, как клапан палатки отвернулся, в нее заглянул Федор.

– А ты что это тут делаешь? – осведомился он подозрительно. – У тебя там котелок перекипает!

Анна успела открыть переднюю крышку, с зеркальцем, и теперь с озабоченным видом разглядывала свое лицо.

– У меня тут вроде прыщик, – проговорила с сомнением.

– Прыщик! – передразнил ее Федор. – У тебя синячина вполлица, а ты про какой-то прыщик беспокоишься! Вареву твое, говорю, перекипает! Чем будешь людей кормить?

– А твое какое дело! – привычно отлаялась Аня, чтобы не выходить из образа. – За собой смотри, а ко мне не лезь! – Анна с сожалением закрыла пудреницу и убрала в мешок.

– Да нужна ты мне... – Федор скривился и выплюнул неприличное слово, чего раньше по отношению к ней никогда не делал.

Стало быть, здорово нервничает, отметила Аня, стало быть, она права, и он тут не просто так.

Аня подошла к костру, помешала свое варево, попробовала, немного досолила.

Вроде готово, можно кормить людей...

И тут она услышала вдалеке какой-то новый звук.

В первый момент Анна подумала, что ошиблась, но тут заметила, что Жулька, беспородная собачонка с рваным ухом, недавно прибившаяся к экспедиции, насторожилась, подняла левое ухо и повернулась в сторону реки.

Значит, не послышалось.

Впрочем, очень скоро звук стал отчетливее, слышнее, теперь Анна уже не сомневалась – это был приближающийся звук мотора, или даже двух моторов, причем каких-то странных моторов – не то автомобили, не то мотоциклы...

Землекоп Витька, который подошел к костру на аппетитный запах, тоже насторожился, повернулся на звук и проговорил:

– Никак едет кто-то...

Аня вспомнила про свою роль, убрала с лица насторожен-

ность и протянула с ленивой растяжкой:

– Да кому ехать-то? Наши все здесь!

На самом деле она была очень обеспокоена.

Действительно, кто мог ехать сюда, на раскопки?

Басаргину еще рано, он только что узнал о находке, так что раньше завтрашнего дня его можно не ждать. Люди, на которых работала Аня с ребятами, ни в коем случае не должны здесь появляться, чтобы не сорвать операцию. А всякая неизвестность могла быть очень и очень опасной... Чертов Федор, его происки...

Звук становился все громче и громче, и наконец из-за осиновой рощицы выкатили в облаке пыли два квадроцикла.

Ну, ведь верно, подумала Анна, не машины и не мотоциклы, как она сразу не сообразила?

Квадроциклы подкатили к самому лагерю, лихо развернулись и застыли.

Анна быстро и профессионально оглядела неожиданных гостей – и настроение у нее резко испортилось.

Четыре человека, мрачные мужики. Двое в пятнистых камуфляжных комбинезонах, один, самый мелкий, – в линялых джинсах и черной кожаной куртке, еще один – в мятом темном городском костюме и черной водолазке: явно не самый подходящий прикид, чтобы разъезжать на квадрике по унылому бездорожью.

Те, что в пятнистом, – попроще, здоровенные мордовороты, ноль интеллекта, рядовые исполнители. Мужик в костю-

ме – наверняка главный, потому и вырядился, как мелкий гангстер в кино, и прилизанные темные волосы дополняют образ.

А вот четвертый, пожалуй, самый опасный: маленький, худой, как скелет, подвижный и гибкий, как чертик на пружинах, с узкими бледными губами и бесцветными безжалоственными глазами прирожденного убийцы.

С этим надо быть особенно осторожной, подумала Анна, поспешно натянула на лицо маску туповатого удивления. Глаза вылупила и рот даже приоткрыла.

Впрочем, в этом она была не одинока: все участники экспедиции застыли с удивленными лицами, изображая картину «Не ждали». Удивление еще не переросло в испуг, потому что никто, кроме Ани, пока не понял, что произошло.

Худой мелкий бандит, как и думала Анна, первым скатился с квадроцикла, отскочил в сторону, заняв грамотную позицию, и выхватил из-за пазухи оружие.

Анна закусила губу: такого оружия она не видела много лет – охотничий дробовик со спиленным стволом, раньше это называли обрезом. Очень опасная вещь в ближнем бою, бьет не прицельно, но наносит страшные рваные раны.

Тощий бандит оскалился по-волчьи, угрожающе повел своим обрезом по сторонам.

Тут спрыгнул на землю главарь, оглядел присутствующих и проговорил неожиданно высоким, резким голосом:

– Ну что, мальчишки-девочки, сразу говорю: если будете ве-

сти себя хорошо, никто не пострадает.

– Кто вы вообще такие? – Сиротин опомнился, вспомнил, что он здесь главный, шагнул вперед. – У нас есть разрешение на проведение раскопок, оно согласовано с...

– Я сказал – никто не пострадает, если! Если, блин, будете вести себя хорошо! – выкрикнул главарь, оскалившись. – Стой на месте, дядя, и помалкивай в тряпочку! Тряпочку дать или свою найдешь? На первый раз прощаю, но если еще шевельнешься или вякнешь...

Он красноречиво замолчал.

Сиротин попятился, что-то пробурчал под нос и замолчал. Дошло, видно, до него, Аня подозревала, что он только на своей археологии повернутый, а в жизни не совсем дурак. Землекопы смотрели тупо, не сдвинувшись с места, Федор стоял сам по себе, впрочем, Аня на него не смотрела, чтобы себя не раскрыть. Знает уже, что хитрый этот Федор, и глаз у него приметливый.

И все бы обошлось, но тут водитель, который привез на раскопки рыжего электронщика, потянулся рукой к карману.

В ту же секунду обрез полыхнул, гулко грохнуло, и водитель отлетел назад с грудью, превратившейся в кровавое месиво. При этом из его кармана выпала мятая пачка сигарет – должно быть, за ней он и потянулся в свою последнюю секунду, и это инстинктивное движение стоило ему жизни...

Тощий бандит криво, по-волчьи, оскалился, должно быть,

это означало удовольствие.

Сиротин двинулся было к водителю, но электронщик схватил его за руку:

– Стойте, ему уже ничем не поможешь, а эти отморозки и вас могут убить...

– Правильно говоришь! – ухмыльнулся главарь. – Можем, запросто можем!

– Что вам нужно? – проговорил Сиротин.

Лицо его мучительно скривилось, как будто у него заболели разом все зубы.

В это время случилось вовсе неожиданное: дворняжка Жулька, в первый момент, как и все, оторопевшая, вдруг залилась оглушительным лаем и бросилась на тощего убийцу.

Тот мгновенно опустил ствол, выстрелил, не целясь.

Жулька взвизгнула и тут же захлебнулась, отлетела в сторону кровавым бесформенным комком. Бандит поморщился, оглядев забрызганные кровью джинсы, прошипел сквозь зубы:

– У, с-сука!

Анна охнула, заголосила:

– Зачем же ты собачку-то? Собачка-то что тебе плохого сделала? Собачка-то чем виновата?

Она не поддавалась эмоциям, напротив, действовала продуманно: не выходя из образа недалекой деревенской девахи, наоборот, вполне поддерживая этот образ. При этом она незаметно переместилась, так что ушла с линии огня и ока-

залась немного позади самого опасного, худого типа с обрезаем.

– Умолкни, дура! – прикрикнул на нее Федор, и Анна перехватила быстрый взгляд, которым он обменялся с главным бандитом.

Точно, это он их вызвал, подав сигнал столбом дыма.

Главарь пренебрежительно взглянул на Аню, затем повернулся к Сиротину и проговорил:

– Что нам нужно, дядя? Ты спрашиваешь, что нам нужно? А вот это, – он показал на раскопанную могилу. – Все, что вы тут нашли. Вот это все нам и нужно.

– Но вы в этом ничего не понимаете... – начал было Сиротин, но тощий бандит посмотрел на него своими пустыми прозрачными глазами, и Сиротин поперхнулся, замолчал.

– Ты хочешь сказать, лепила, что мы недоумки тупые? – проговорил главарь, двинувшись к Сиротину. – Ты хочешь сказать, что мы дубари деревенские?

– Я... не... – проблеял Сиротин, попятившись. – Я ничего такого не говорил...

– То-то что ничего! – Главарь неожиданно остановился, ослабил. – Ну да, мы, может, не сильно умные, в университетах не обучались, но мы знаем, что эта хрень очень дорого стоит! – Он ткнул большим пальцем в сторону раскопа. – Мы знаем, что большие люди в большом городе нам за нее отвалят большие бабки, так что ты, лепила, нам все это сейчас аккуратненько соберешь и упакуешь, и чтобы ни одна

фигулька при этом не пропала! Понял?

– Понял... – Сиротин закивал, как китайский болванчик.

– А если понял – приступай!

И в это время Аня снова услышала новый звук. Звук приближающегося мотора.

Только на этот раз она сразу узнала, что это за мотор: двигатель вертолета.

Не одна она услышала этот звук. Главарь бандитов тоже настороженно прислушался, потом запрокинул голову, так что на горле выступил кадык, и раздраженно проговорил:

– Это еще что такое?

Звук понемногу приближался, становился громче.

– Может, геологи какие-нибудь? – неуверенно проговорил один из бандитов в камуфляже, до сих пор не подававший голоса. – Или, блин, военные?

– Кузьма, ты бы лучше молчал, – огрызнулся на него главарь. – Иногда лучше жевать, чем говорить! Какие геологи? Какие военные? Ты видел, какая вертушка летит?

Теперь уже и Анна отчетливо видела приближающийся вертолет, скользящий над верхушками деревьев.

Это был «R44 – Raven», хорошая, надежная вертушка. Дорогая игрушка для богатых мальчиков. Такая берет, кроме пилота, трех пассажиров и килограмм пятьдесят груза.

Тощий убийца оскалился, вскинул обрез.

Главарь метнулся к нему, схватил за руку:

– Ты что, Росомаха, сдурел? Из твоего пугача только

по вертолету палить! Их там всего четверо, без пилота – трое. Укроемся, дадим им сесть, а там уже... ну, ты понимаешь!

Он повернулся к боевикам в камуфляже, коротко распорядился:

– Уберите мясо!

Те без слов схватили за ноги мертвого шофера, отволокли в заброшенный раскоп, швырнули на дно, потом бросили туда же собаку и закидали ветками.

После этого главарь бандитов мрачно оглядел всех и угрожающе проговорил:

– Смотрите, про то, что мы здесь, рядом, – ни слова! Если кто из вас лишнее сболтнет или хоть посмотрит в нашу сторону – Росомаха его живо положит! Видели, как того придурка в куски разнесло? – Он показал на яму, где лежал труп водителя.

Федор замигал обоими глазами, пытаясь привлечь внимание бандита, сделал шаг в сторону.

– Тебя это тоже касается! – злобно рявкнул на него бандит. – Стой где стоишь!

– Так я же... так мы же... – забубнил Федор.

– Я же, мы же! – передразнил его бандит. – Сказано тебе – стой где стоишь!

Бандиты отогнали квадроциклы в ближнюю лощинку, сами попрятались в кустах вокруг лагеря.

Аня подумала, что расстояние от их позиций до лагеря

слишком велико для прицельной стрельбы. Ну, оно и понятно – не профессионалы, что с них возьмешь...

Аня запомнила, где затаился Росомаха, его она по-прежнему считала самым опасным из бандитов. Сама она под шумок передвинулась к густому ракитовому кусту, росшему на самом краю кургана. Впрочем, на нее бандиты почти не обращали внимания, видно, она хорошо сыграла свою роль.

По пути к своей новой позиции она прошла мимо костра и прихватила нож, которым резала мясо.

Конечно, это не десантный нож из хирургической стали, лазерной заточки и с желобком для стока крови, но на крайний случай и такой сгодится.

Мотор вертолета заглушил все прочие звуки. Аня огляделась по сторонам, убедилась, что на нее никто не смотрит, и осторожно достала пудреницу.

Лис ответил сразу.

– Вы видите вертолет? – проговорила Аня вполголоса.

– Само собой! – ответил Лис. – Его трудно не заметить. Думаю, Басаргин прибыл раньше, чем мы думали. Начинаем операцию. Мы выдвигаемся к лагерю...

– Постойте, – перебила его Аня и рассказала про появление бандитов и про то, что они затаились вокруг лагеря.

Лис помолчал секунду, затем решительно проговорил:

– Понял. Мы зайдем им с тыла. Ты говоришь, бандитов только четверо?

– Да, но одного я возьму на себя.

Аня подробно описала позиции бандитов, сверила с Лисом часы и спрятала пудреницу.

Рев мотора стал оглушительным. Вертолет подлетел к лагерю, ненадолго завис над ним, опустился, тяжело вдавившись колесами в глинистую почву.

Лопасты винта еще вращались, когда первый человек спустился по металлическому трапу, отбежал в сторону, пригнувшись, чтобы не попасть под лопасть.

По спортивной фигуре, быстрому внимательному взгляду, которым он обежал лагерь, и ловким, экономным движениям Аня поняла, что это – телохранитель Басаргина, классный профессионал. С ним, наверное, будут проблемы, подумала она, но это потом, проблемы нужно решать по мере их возникновения.

Когда взгляд телохранителя скользнул по ней, она захлопала глазами и изобразила на лице совершенную глупость, граничащую с клиническим идиотизмом.

Телохранитель, внимательно оглядевшись, махнул рукой.

По трапу медленно спустился грузный человек средних лет с тяжелым квадратным подбородком и подозрительным взглядом глубоко посаженных глаз.

Аня узнала этого человека, которого прежде видела только на фотографиях, – Антона Басаргина. Цель – объект операции. Тот, из-за кого она торчит в этом лагере.

Сразу же следом за ним спустился второй охранник.

Лопастя ванта замедлили вращение и остановились. Наступила тишина, показавшаяся оглушительной после рева мотора.

Сиротин и остальные участники экспедиции стояли возле раскопа, испуганно жались друг к другу. Только Федор держался отдельно с одновременно вызывающим и испуганным лицом, да Аня с самым наивным видом переминалась возле куста.

Басаргин двинулся к Сиротину.

– Ну что, нашел своего викинга? – проговорил он оживленно, не посчитав нужным поздороваться. – Показывай!

Сиротин повел его к могиле, то и дело спотыкаясь и оглядываясь.

– Ты чего такой бледный? Чего дрожишь?

– П-приболел немного... – ответил Сиротин, заикаясь. – Да и не ждали мы вас так быстро...

– В этом секрет моего успеха, – ухмыльнулся Басаргин. – Я все делаю быстро и неожиданно!

Они подошли к могиле. Басаргин наклонился над ней и примерно минуту глядел, не говоря ни слова, затем всем корпусом повернулся к археологу.

Сиротин словно ждал этого, он заговорил, пытаясь оживленным, суевливым тоном скрыть свой страх:

– Это редчайшее захоронение! В могиле наверняка похоронен не рядовой викинг, судя по всему, это знатный воин, возможно, даже конунг. Оружие и одежда в относительно хо-

рошем состоянии, а ладанка на груди викинга – вообще уникальна. На ней изображены символы раннего христианства, значит, этот викинг был христианином. Конечно, еще рано делать какие-то определенные выводы, нужно провести подробные лабораторные исследования, радиоуглеродный анализ и другие необходимые научные процедуры, но я могу уже сейчас с уверенностью утверждать, что это – самое раннее христианское захоронение на северо-западе России...

Внезапно Сиротин замолчал и застыл, испуганно оглядываясь через плечо.

Басаргин по-своему объяснил его странное поведение. Он похлопал Сиротина по плечу и проговорил:

– Меня многие боятся, но ты можешь не беспокоиться. Ты хорошо поработал, и я тебя не обижу. Все будет как мы с тобой договаривались. А пока давай укладывай эти вещички, мы их заберем отсюда. Хватит им уже в земле гнить!

Аня поняла, что дольше ждать нельзя, если она не хочет потерять инициативу, и вообще сейчас – самый подходящий момент, чтобы начать действовать. Все взгляды были прикованы к Басаргину и Сиротину, стоящим на краю могилы, а уж про нее, наивную деревенскую дурочку, все напрочь забыли.

Она пригнулась, скользнула за куст и быстро перебежала к другому кусту. Там бросилась на землю и поползла к тому месту, где укрывался Росомаха.

Она поползла уже половину разделявшего их расстоя-

ния, заползла в небольшую ложбинку и снова достала свою пудреницу.

– Мы подходим, – сразу же отозвался Лис. – Начинаем через четыре минуты. Ты успеешь?

– Нет проблем! – Аня спрятала пудреницу, и вдруг услышала насмешливый голос:

– Ну что, девонька, снова прыщик разглядываешь? Чтойто у тебя их больно много!

Аня замерла, медленно повернула голову.

Над ней в угрожающей позе стоял Федор, в руке у него была крепкая суковатая дубинка.

Собственный нож Аня засунула в сапог, чтобы не мешал ползти, и достать его сейчас было затруднительно.

– Я тебя с самого начала подозревал! – прошипел Федор. – Дурочкой прикидывалась?

– Не понимаю, о чем это ты, дяденька! – залопотала Аня. – Деревенские мы...

– Ты меня-то за дурака не держи! С кем это ты только что переговаривалась?

– Ничего не знаю, дяденька!

– Ах, не знаешь? – И Федор замахнулся дубинкой.

Аня откатилась в сторону, и удар прошел мимо, переломив, как спичку, молоденькую осинку.

– Ах ты, сучка... – Федор шагнул вперед, снова поднял тяжелую дубинку и замахнулся для нового удара. Аня увидела в его глазах закипающую ярость и поняла, что Федор

готов ее убить. Она попыталась снова откатиться в сторону, но плечо, как назло, уперлось в корень сломанной осины.

Времени на раздумья не было. Аня напряглась, встала на лопатки, высоко вскинув ноги, и захватила шею Федора в стальной зажим. Сцепив ступни, сжала ноги и, видно, не рассчитала силы – раздался отвратительный хруст, шея Федора переломилась, и он, не издав ни звука, упал как тряпичная кукла.

– Черт! – выдохнула Аня.

Хоть Федор был противным типом и она защищалась, но убить человека для нее все еще было непросто.

Впрочем, подумала она, сам виноват!

Она отползла от трупа, огляделась.

Сейчас ее прикрывали от бандитов густые кусты, так что можно было встать. Что она и сделала, и быстрыми перебежками устремилась к позиции Росомахи.

Меньше чем через минуту она увидела бандита.

Ее расчет оказался верным: тощий бандит лежал на траве, расставив локти и наведя свой обрез на раскоп.

Аня закусила губу.

Страшное оружие Росомахи было направлено именно туда, где стояли Басаргин и Сиротин. Если он выстрелит в Басаргина – вся их операция пойдет насмарку, время и силы будут потрачены зря. Да и Сиротина просто по-человечески жалко...

В это время Сиротин, опасливо оглядываясь по сторонам,

спустился в могилу.

Аня переползла чуть ближе, на расстояние одного быстрого броска. Росомаха беспокойно пошевелился, словно что-то почувствовал, повернул голову.

Аня вжалась в землю и замерла, даже перестала дышать, стараясь слиться с травой и листьями.

Бандит успокоился, снова занял удобную позицию, навел обрез на раскоп.

Аня выровняла дыхание, готовясь к броску, вытащила из голенища нож, бесшумно переместилась вперед, уперлась в землю коленями. Заняв позицию для броска, взглянула на часы.

До условленного времени оставалось полторы минуты.

Сиротин снова появился на краю могилы, лицо у него было перемазано землей, в одной руке был заржавленный меч викинга, в другой – мешок с более мелкими предметами. Он протянул мешок Басаргину, что-то тому сказал, но ветер отнес слова.

И тут Росомаха выстрелил.

Обрез грохнул со страшной силой, Аня чуть не оглохла.

В первое мгновение Аня не поняла, что произошло. Басаргин и Сиротин стояли в прежних позах, Сиротин все еще бережно держал в руках находки. Затем он покачнулся, открыл рот, словно хотел что-то сказать, схватился за грудь, сделал неуверенный шаг вперед и упал как подкошенный. Басаргин стоял над ним, похоже, в полной растерянности.

А Росомаха готов был сделать второй выстрел.

И, хотя до времени общей атаки, согласованной с Лисом, оставалась еще целая минута, Аня бросилась вперед и ударила в затылок Росомахи ножом.

И тут же она убедилась, что верно оценила этого тощего бандита как самого опасного противника: Росомаха успел извернуться, как змея, и удар прошел мимо.

Хуже того – Аня выронила свой нож.

Росомаха отбросил обрез, бесполезный в ближнем бою, но на его руке откуда-то возник кастет. Рука бандита оцетинилась стальными когтями лезвий. Аня поняла, чему он обязан своей кличкой. Она едва успела увернуться от страшного удара, один коготь скользнул по ее плечу, обжег болью.

Аня знала, что в ближнем бою нельзя следить за каждым движением противника, нельзя рассчитывать свои удары, иначе ты непременно проиграешь, а ставка в этой игре – жизнь. Нужно полагаться на инстинкты, они куда быстрее и точнее, и смотреть нужно в глаза противника, потому что в них можно прочесть все: его намерения, его цели, каждое его движение.

И она старалась не отводить взгляда от глаз Росомахи.

Его глаза, как и прежде, были пустыми и прозрачными. В них таилась смерть.

Один за другим загремели выстрелы.

Они гремели совсем близко – но в то же время бесконечно далеко, потому что сейчас Анины мысли и чувства были

только здесь, в кустах, где она не на жизнь, а на смерть боролась с тощим убийцей. Весь остальной мир для нее не существовал.

Аня откатилась в сторону, ударила локтем туда, где должно было находиться солнечное сплетение бандита, и, видимо, попала – он задохнулся на мгновение, потерял темп.

Аня на все сто процентов использовала это мгновение, ударила раскрытой ладонью левой руки в висок и сразу же растопыренными пальцами – в глаза.

Росомаха зашипел и забился, из глазниц потекла кровь.

Но, даже потеряв зрение, он продолжал сражаться и по-прежнему был смертельно опасен. Его рука с железными когтями тянулась к Анину горлу.

Аня слепо ткнула рукой в сторону – и нащупала свой нож.

Она сжала рукой деревянную рукоятку и изо всех сил ударила в горло Росомахи.

Бандит захрипел, изо рта у него хлынула кровь, он забился в конвульсиях и наконец затих.

Аня взглянула на часы.

До согласованной с Лисом общей атаки оставалось еще тридцать пять секунд, значит, весь поединок с Росомахой занял меньше полминуты...

Она вытерла нож о траву, приподнялась на локтях и взглянула на лагерь.

Один из охранников Басаргина был убит, второй, прикрывая собой шефа, отступал к вертолету, то и дело стреляя

в сторону кустов, где прятались остальные бандиты.

Из кустов тоже непрерывно стреляли, Аня узнала по звуку пистолеты «ТТ» и «веблей». Старое, но все еще надежное оружие. Третьего не было, видимо, третий бандит уже был на том свете.

Дверь вертолета открылась, на пороге появился пилот, в руке его был пистолет.

В ту же секунду грохнули один за другим два выстрела, пилот упал с лестницы и затих, охранник Басаргина покачнулся, шагнул вперед и тоже упал. И тут одновременно раздались еще два выстрела, и наступила тишина.

Последние выстрелы прозвучали совсем иначе, чем предыдущие, на этот раз стреляли не из «ТТ» или «веблея», а из «глоков», которыми были вооружены Лис и Зюзя.

Аня поняла, что ее напарники добились оставшихся бандитов.

Она на всякий случай выждала еще полминуты и только тогда вышла из кустов.

Басаргин сидел возле раскопа с растерянным и оглушенным видом, рядом с ним лежал мертвый охранник, чуть в стороне – Сиротин, который хрипло, неровно дышал.

Двое землекопов и рыжий электронщик тряслись от страха в дальнем конце лагеря.

Из кустов появились Лис и Зюзя, направились напрямиком к Басаргину. На обоих были шапочки, надвинутые на лоб, лица разрисованы, чтобы не опознали.

Басаргин сразу оживился, мгновенно выделил Лиса как главного и заговорил:

– Вы очень вовремя подоспели! Черт его знает, кто это были, но моя охрана оказалась не на высоте...

– Да уж, не на высоте. – Лис мрачно взглянул на мертвых телохранителей.

– Но вы будете награждены, щедро награждены! – продолжал Басаргин. – Я никогда не забываю оказанные мне услуги... может быть, вы хотите поступить ко мне? Я взял бы вас на место этих, – он мотнул головой в сторону мертвецов. – Само собой, оплата очень хорошая, вы не будете разочарованы...

– На место этих? – Лис горько усмехнулся. – Не очень-то завидное место!

– Ну, я неудачно выразился...

Лис, не говоря ни слова, схватил его за руку, другой рукой расстегнул пристегнутую к колену сумку, достал шприц и поднес к предплечью Басаргина.

Тот побледнел, попытался вырвать руку, но Лис сжимал ее как клещами. Подскочил Зюзя, сжал Басаргина с другой стороны, и Лис сделал укол и посмотрел на часы. Басаргин дернулся, в глазах его сначала появился страх, потом полное безразличие.

– Ну вот, – сказал Лис, – все в порядке, можем лететь. От него неприятностей не будет.

– Даже лучше, что вертолет, быстрее успеем уйти из этого

дурдома! – кивнул Зюзя и потащил Басаргина к вертолету. – Я такую вертушку водить умею...

– А с этими что? – Аня видела, что рыжий специалист бочком подбирается к своему внедорожнику, а землекопы боязливо выглядывают из канавы.

– Да черт с ними, пускай валят отсюда поскорее. Группу по зачистке пришлют.

Аня подошла к Сиротину. Он тяжело дышал, прижимая руки к груди. Между пальцами сочилась кровь.

– Мы не можем его здесь оставить, он умрет, – сказала она.

– Он и так умрет. – Лис отвернулся. – Ты на рану посмотри.

– Возьмем его, места же хватит. – Аня подошла ближе и посмотрела Лису в глаза. – И так достаточно трупов.

Она вспомнила, с каким отвратительным звуком хрустнула шея у Федора. Хоть и подлый мужик, из-за него все пошло наперекосяк, а все равно живая душа. Вот Росомаху ей совершенно не жаль, на нем небось убийств висит немерено.

– Хорошо, – кивнул Лис, взглянув на нее с пониманием, – в грузовой отсек его, там пусто.

Они осторожно перенесли Сиротина в вертолет, положили на пол, Аня нашла аптечку и с трудом перевязала рану. Повязка была слишком тугая, чтобы хоть как-то унять кровь. Сиротин еще больше побледнел и от боли потерял сознание.

– Ну, тронулись! – Зюзин непривычно серьезный голос потонул в шуме мотора вертолета.

Машину трянуло, потом Аню вдавило в кресло.

– Черт! – Зюзя нажимал какие-то кнопки на панели, потом потянул на себя черную ручку, выровнял вертолет, и Аня увидела, как внедорожник, который вел рыжий, стремительно удаляется по пыльной дороге в сторону шоссе.

С другой стороны был виден разоренный лагерь – открытый раскоп, две палатки, догорающий костер и трупы вокруг. Еще чуть в стороне два землекопа дрались из-за велосипеда Федора. Победил Витька и поехал, вихляясь, к деревне. Второй бежал за ним, грозя кулаком и матерясь. Слов, конечно, не было слышно, но все и так можно было понять.

– Погуляли, – мрачно сказал Лис.

Аня видела, что он зол оттого, что операция пошла не по плану. Бывают, конечно, накладки, не все идет как задумано, но чтобы девять трупов... Это уж перебор.

И кто виноват? Она, Аня, что не разгадала этого мерзавца Федора? И ведь были у нее подозрения, уж больно хитрый у него бывал иногда взгляд. Но такого она и предположить не могла...

Скорей всего, виноват Сиротин, это он болтал про раскопки направо и налево. Дескать, обязательно должна быть тут где-то сохранившаяся могила вождя, и давай перечислять, как викинги хоронили своих вождей – оружие дорогое, украшения, доспехи чуть не из золота... Вот и договорился на свою голову.

Аня перегнулась назад, где лежал Сиротин. Он был бле-

ден, на висках капли пота. Из-под кое-как, второпях, наложенной повязки показалось пятно крови.

«Плохо», – подумала Аня.

Лис смотрел прямо перед собой мрачным взглядом. Басаргин, после того как Лис вкатил ему укол, больше не дергался, свесил голову набок и застыл так. Аня взяла аптечку и переползла назад, где вместо груза лежал Сиротин.

Машину тряхнуло, и он очнулся с мучительным стоном.

– Алексей Иваныч, ты как?

Он не ответил, только скривился мучительно, потом снова застонал. Аня поискала в аптечке, нашла болеутоляющее, наполнила шприц, сделала укол.

– Сейчас подействует, – сказала она, – а там и в больницу тебя доставим. Потерпи, миленький... – и погладила его по голове.

– Видел я, что ты хорошая, да не думал, что такая... – Ему и вправду стало заметно легче, видно, боль ненадолго отпустила. – Аня, нагнись-ка, что скажу...

– Ты лучше молчи, береги силы...

Но он только поморщился с досадой.

– Да знаю я, что не жилец уже, плохо мне, очень плохо, так что слушай внимательно.

Аня наклонилась, и Сиротин перешел на шепот:

– Возьми у меня в кармане ладанку...

Аня осторожно пошарила в кармане куртки, которую бросила тут же, на полу, когда перевязывала рану Сиротина,

и вытащила небольшой сверток. Оглянулась на своих, никто не смотрел назад. Зюзя сосредоточился на управлении, Лис разговаривал по рации, Басаргин по-прежнему сидел, свесив голову на грудь, в полной прострации.

Аня развернула грязноватую тряпицу и увидела ладанку – ту самую, что лежала на груди скелета, найденного в древней могиле. Теперь она смогла рассмотреть ее получше. Небольшой предмет размером с детскую ладонь, тяжелый и потемневший от времени. Точно, что металл, скорей всего, серебро.

– Береги ее, Аня, – прохрипел Сиротин. – Береги как зеницу ока, это непростая вещь. Не хотел я, чтобы она плохим людям досталась – ни бандитам, ни этому... – Он попытался кивнуть в сторону Басаргина, но только сморщился от боли.

– Тише, тише... – Аня заботливо отерла пот с его лица той же тряпицей.

– Ты слушай... – Он отдышался, теперь голос звучал тверже: – Вещь эта – непростая, я уж знаю. И не в том даже дело, что она дорогая очень, а в том, что это святыня. Потому что на ней, видишь, две рыбы изображены. Это – ранний символ христианства, это потом уже стали крест изображать... И что-то там есть внутри. Не зря вождь велел его с этой ладанкой похоронить, и никто на нее не позарился, потому как – святыня... Ты должна беречь... никому не отдавай, ни в коем случае, только если сама поймешь, что человек правильный...

Сиротин замолчал, как будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, потом снова заговорил тихо-тихо:

– Вот как оно случилось... искал древнюю могилу, а нашел свою смерть...

И у Ани не повернулся язык сказать, что все будет хорошо, что он выживет. Она видела уже на его лице неестественную, смертельную бледность, и глаза запали, нос заострился, и еще что-то, не поддающееся описанию.

«Печать смерти», – говорили раньше.

– Всю жизнь искал, верил, что я прав... так и оказалось... ни о чем не жалею, только сохрани это, Аня, Богом тебя прошу, сохрани. Именем Господа нашего Иисуса Христа тебя заклинаю: не упусти, не потеряй, не допусти, чтобы в плохие руки попала. Не знаю, что там внутри, но чувствую – очень важно это. Перед смертью, знаешь, все так ясно видно... Обещай мне...

Тут Сиротин запнулся, захрипел, сделал попытку приподняться, при этом изо рта у него хлынула кровь. Он посмотрел с детским наивным удивлением и рухнул на брезентовые мешки, в которые Басаргин, надо полагать, собирался складывать предметы из могилы викинга. Глаза его неподвижно смотрели в потолок.

Аня потрогала шею – пульса, естественно, не было. Она и так знала, что все кончено – навидалась в своей жизни трупов.

– Ну что там? – спросил со своего места Лис.

– Помер, кажется... – Аня постаралась, чтобы ее голос не дрожал.

– Говорил, что не нужно его брать! Вот теперь еще одна проблема! – Лис наткнулся на Анин взгляд и замолчал.

Аня спрятала ладанку поглубже в карман, закрыла глаза покойнику древним заботливым жестом и, сама себе удивляясь, перекрестила его тихонько.

Лис крикнул что-то Зюзе, показал вниз.

Вертолет опустился на большое поле, которое раньше, видимо, принадлежало колхозу, а теперь превратилось просто в заросшую пыльной травой огромную поляну.

К ним уже бежали люди. Лис с Зюзей вытащили Басаргина, который вяло перебирал ногами, ни на что не реагируя, и передали его с рук на руки двум рослым парням в черных костюмах.

Те посадили его в огромный черный внедорожник, их главный подошел к Лису и дал ему какую-то бумажку, после чего скупно кивнул, и внедорожник уехал.

На поляне остались две машины – джип попроще и старенький «козлик». Из джипа вышел невысокого роста мужчина в темных очках и плаще, хотя в этом августе стояла несусветная жара. Он заглянул в вертолет и спросил у Лиса:

– Что за покойник?

– Археолог, – вздохнул Лис, – в пути помер.

– Искать будут? – осведомился мужчина.

– Вряд ли, – теперь уже вздохнула Аня, – он вроде одино-

кий был...

– Ну и ладно, – мужчина записал координаты лагеря и как туда проехать. – Не задерживаю, – сказал он, – у меня дел по горло. Здесь закончить, да еще в лагерь успеть, пока полиция не прочухалась.

Зюзя уже заводил «козлика». Выруливая с поляны, они видели, как мужчина в плаще поливает вертолет из канистры. Взрыв они слышали, когда ехали по едва заметной дороге. Из-за сосен виднелось высокое оранжевое пламя.

«Сиротина никогда не найдут, – подумала Аня, – даже если вертолет обнаружат, подумают, что это пилот разбился. Кто там станет кости обгорелые изучать? Это только в сериалах показывают... Светлая память Алексею Иванычу...»

Она сама удивилась своим мыслям. Что-то на сантименты потянуло, не в ее это характере. Ладно, не время сейчас расслабляться, сейчас забот полно...

На заднем сиденье Аня с отвращением скинула с себя грязную майку и рваные шорты, пахнувшие чужой кровью и потом. Им приготовили сменную одежду – не новую, но вполне приличную – джинсы, рубашку. Аня расчесала волосы и с трудом стерла с лица синяк и грязные разводы. Не слишком приятный вид, но хотя бы на улице никто на нее оглядываться не будет.

Перед выездом на шоссе Лис с Зюзей поменялись местами, ребята тоже переоделись в чистое, а грязную одежду свернули в тук и выбросили в овраг.

Ехали молча, все жутко устали. Аня едва не клевала носом.

– Лис, – сказал через некоторое время Зюзя, поглядывая в зеркало, – чтой-то мне та синяя машина не нравится, давно уже за нами едет как приклеенная.

– Да уж вижу, – буркнул Лис, – не слепой.

Тут синяя машина свернула на заправку.

– Показалось? – Зюзя вопросительно поднял брови.

– Не знаю...

Аня и сама сомневалась, знала, что не бывает в их делах таких совпадений, каждое совпадение нужно трактовать как сигнал бедствия. Кто может за ними следить? Неужели уже Басаргина ищут? Быстро они, очень быстро...

Хотя странно: этот рыжий специалист вроде бы не полный дурак, должен хотя бы на время затаиться, землекопы небось лежат уже вусмерть пьяные, с них какой спрос. Пока полиция на выстрелы приедет, тот мужичок в темных очках уже небось все там подчистит, оставит только трупы бандитов, так что никто не удивится – может, у них там разборка была.

– Нужно машину сменить, – сказал Лис, – я в город на «козле» не поеду, приметный очень.

– Меня на конечной у метро высадите, – встрепенулась Аня, – я уж сама как-нибудь...

– Ну, бывай, – сказал Лис и сунул ей полоску бумаги с рядами цифр, – твоя доля.

– Обращайся, если что надо... – скупно кивнула Аня и по-

шла не оглядываясь.

Она верно угадала, когда схлынет поток пассажиров с ближайшей электрички, и села в пустой вагон. Оглянувшись незаметно, кроме нее, в вагоне были тетка с тележкой, набитой кабачками и помидорами, парень в наушниках и потерянный мужичок с красным носом.

Вроде бы все обычные, безопасные люди. Все-таки Аня в последний момент вышла из вагона и пересела в следующий поезд. Никто не тронулся за ней.

В метро она немножко попетляла – привычка. Вышла на предыдущей станции, села на маршрутку и опять-таки вышла раньше, чтобы подобраться к своему дому незаметно, дворами.

Квартира ее выходила прямо в подворотню – бывшая дворницкая. Мать заработала ее тяжелым трудом, все мела да чистила, горбатилась во дворе зимой и летом.

Жили они втроем – она, мать и брат. Отца Аня не помнит – кажется, замерз где-то по пьяни, когда она была совсем маленькой. Брат пошел по стопам отца – быстро спился и помер в больнице. Но это уж потом, когда Аня выкупила дворницкую и сняла мать с работы – отдыхай, мол, живи на всем готовом. Не помогло, недолго мать протянула, умерла тихо, ни на что не жалуясь, как и жила.

Аня тогда думала, что все у нее позади – нищее голодное детство, тяжеленная лопата со снегом, рваные резиновые сапоги вместо зимней обуви – все прошло и никогда не вернет-

ся. И подворотню эту, куда выходит дворницкая, она тоже забудет как страшный сон, уедет отсюда навсегда и даже никаких мелочей не возьмет на память. Нечего ей вспоминать.

Не получилось. Не вышло вылезти из дворницкой. Тут теперь ее жизнь.

А как здорово все начиналось... Какие успехи делала она в спорте! Ее быстро заметили, и понеслось. Сначала соревнования по стране, третье место, потом второе, потом международный чемпионат, турниры всякие. В общем, совершенно другая жизнь – спорт, дальние поездки, незнакомые города, рядом свои, родные ребята, никто никому не завидует, все стараются.

И Аня не то чтобы расслабилась, но уверовала в чудо. Что она, простая девчонка, не слишком умная, не слишком красивая, не имеющая ничего за душой и никакой поддержки от родных, способна на многое. Только нужно работать, тренироваться, а там все пойдет отлично. Будут и слава, и деньги. И любовь...

Как же она хотела любви! После безрадостного своего детства, после матери, которая так изработалась, что не могла уже дать ребенку никакой нежности, после злых подзатыльников старшего брата как же Ане хотелось, чтобы появился в ее жизни человек, который ее полюбит бы просто за то, что она есть.

Нашла ее любовь.

Поверила в это Аня и была счастлива недолгое время.

Точнее, четыре месяца, две недели и пять дней. Пока не случилось самое страшное в ее жизни. Но – стоп! Про это она вспоминать себе запретила. Что случилось – то случилось, и она поставила на этом точку. Большую и жирную, так что вспоминать незачем.

После того, что случилось, она сама приняла твердое решение уйти из большого спорта. Таковую она себе назначила кару. Но про это никто не узнает, пока она, Аня, жива.

Вот и ее дверь. Аня прошла мимо, вошла во двор и нашла дверь в подвальную кладовку. Только она знала, как ее открыть без ключа – потянуть слегка на себя, потом поднять вверх и дернуть. Замок остался еще с тех пор, как мать тут хранила свои метлы и лопаты. Новый управдом только жильцам пыль в глаза пускает, а замок поменять ему и в голову не придет.

В кладовке Аня пошарила за старым ящиком, в котором мать когда-то держала песок, и вытащила ключи от своей квартиры. Не с собой же на дело их таскать, и оставлять никому не хочется, кроме Агнии. Но той вечно дома нет.

Теперь, когда Аня осталась одна, когда операция была позади и доза адреналина в крови сократилась, ей стало худо, как наркоману, лишившемуся привычной дозы.

Так бывало с ней каждый раз после завершения серьезной операции, но сейчас было особенно тяжело. Стоило ей закрыть глаза – как она видела лагерь археологов, буквально залитый кровью и заваленный трупами, слышала тихий

голос умирающего Сиротина, отвратительный треск сломанной шеи Федора...

Она далеко не первый раз участвовала в таких операциях и прежде относилась к ним просто как к своей работе, к работе, которую нужно было сделать, сделать и забыть.

Но на этот раз забыть не получалось.

Войдя в свою квартиру, Аня бросила вещи посреди комнаты и отправилась под душ. Она пустила такую горячую воду, что едва могла ее терпеть, потом – ледяную, снова горячую – и снова ледяную. Обычно такой контрастный душ помогал ей привести свою голову в порядок после самых тяжелых, самых кровавых операций, и сейчас это проверенное средство тоже подействовало. На душе стало легче, жуткие картины предыдущих дней потускнели и растаяли. Можно было возвращаться к рутине повседневной жизни.

Аня насухо растерлась жестким махровым полотенцем и вернулась в комнату.

Она не любила беспорядок. Ей казалось, что беспорядок в доме напрямую связан с беспорядком в голове его обитателей, поэтому в ее собственном доме царила спартанская подчеркнутая простота, граничащая с предельной пустотой армейской казармы.

У нее было мало вещей, но все они должны были находиться на своих местах, и сейчас она первым делом разобрала сумку, валявшуюся посреди комнаты.

Сумку эту отдал ей Лис, в ней было кое-какое рабочее

оборудование, которое Аня взяла с собой, собираясь на дело, но пришлось оставить все у ребят, поскольку она работала под прикрытием. Сейчас она убрала в стенной шкаф мощный компактный фонарь, армейский нож, пистолет, нунчаки, моток веревки и на дне сумки наткнулась на небольшой тяжелый сверток.

Это была та ладанка, которую отдал ей перед смертью Сиротин. Ладанка мертвого викинга.

Аня взвесила ее на руке, осмотрела со всех сторон.

Тусклое, потемневшее от времени серебро, стершийся рисунок на крышке – две рыбы, развернутые хвостами в разные стороны, какие-то буквы и непонятные значки.

Покойный археолог говорил ей, что эта ладанка имеет какую-то необыкновенную ценность, заклинал Аню беречь ее пуще глаза. Тогда Аня не слишком внимательно его слушала, в ее крови еще бушевал адреналин, но вряд ли человек стал бы в последние минуты своей жизни беспокоиться о ерунде.

Наверное, эта ладанка и правда очень ценная. Во всяком случае, ее нужно беречь – хотя бы в память о Сиротине. Неплохой был человек, а с виду и не скажешь...

Аня еще раз осмотрела ладанку и поняла, что внутри ее что-то есть. Когда она встряхивала серебряную вещицу, в ней что-то тяжело перекатывалось. Однако, как Аня ни искала какой-нибудь замок или защелку, она ничего не находила, не могла открыть ладанку. Наверное, ладанка была с сек-

ретом.

И тут она догадалась, кому эту старинную ладанку непременно стоило показать.

Ну конечно, Аге, Агнии Иволгиной, старой задушевной подруге... кто-кто, а Агния в таких вещах отлично разбирается, ведь она дипломированный искусствовед, специалист по антиквариату и всевозможной старине, директор крупной антикварной фирмы.

Правда, при мысли об Агнии настроение у Ани снова резко испортилось. С Агнией, точнее, с ее дедом, была связана трагическая история.

Аня была виновата перед Агнией, страшно виновата. Против собственной воли она принесла подруге несчастье. Самое страшное несчастье в ее жизни. Хотя Агния не знала о ее роли в той трагедии, но сама-то Аня знала, и поэтому общение с Агой каждый раз причиняло ей мучительную боль.

А Агния не могла понять, почему их отношения в последние годы утратили свою сердечность, почему Аня ее избегает, и списывала это охлаждение на трудную работу Ани, на ее постоянные загадочные отлучки...

Аня не представляла, что случится, если Агния все узнает.

Вряд ли она сможет ее понять и простить...

Но скривиться от подруги тоже бесполезно, нельзя вечно прятать голову в песок, и, раз уж так сложились обстоятельства, нужно позвонить Аге и договориться о встрече...

Но только завтра, потому что сейчас поздний вечер, а главное – Аня так устала за этот длинный день, что даже языком не пошевелить.

Она выпила теплой воды, легла и тут же провалилась в глубокий сон.

И спала долго, чего за ней обычно не водилось, но, видно, организм таким образом восстанавливал силы. Было утро, и, хотя солнце никогда не заглядывало в полутемную дворницкую, Аня поняла, что уже довольно поздно.

Аня достала мобильный телефон, набрала номер Агнии и почти сразу услышала ее голос.

Агния ей откровенно обрадовалась.

– Анька, ты вернулась? Ты давно в городе?

– Да нет, только приехала, – ответила Аня, как всегда стараясь, чтобы голос ее звучал ровно. – Слушай, давай встретимся... ты сейчас дома? – Аня взглянула на часы и поняла, что сморозила глупость, что Агния наверняка на работе.

Что та немедленно и подтвердила:

– Нет, я в офисе, освобожусь часам к пяти. Давай тогда и встретимся, если можешь. Посидим в кафе, поговорим... годится? Давай, мы ведь сто лет не виделись! Как я рада, что ты вернулась!

– Годится, – согласилась Аня. – Кстати, хочу показать тебе одну вещицу. По твоей части, очень старинная. Может, ты мне про нее что-нибудь расскажешь.

– Хорошо, приносит, – согласилась Агния и, извинившись, прекратила разговор.

Аня в который уже раз испытала легкий укол зависти. Белый, как говорится, но все же зависти.

Вот ведь у Агнии нормальная, интересная работа, она занимается красивыми старинными вещами, ей не приходится иметь дело с кровью и смертью, как самой Ане...

Но тут же она поняла, что не смогла бы жить нормальной, упорядоченной жизнью, какой живут другие, обыкновенные люди, поняла, что подседа на всплески адреналина, которые приносят ее частые «командировки»... да и жизнь самой Агнии не такая уж спокойная – с ней то и дело случаются какие-то опасные приключения... Каждому суждена своя судьба, и бесполезно пытаться ее обмануть – судьба сама кого хочешь обманет...

Как бы то ни было, они сегодня встретятся и поговорят, поговорят обо всем...

Аня продолжила наводить порядок в доме, и в это время зазвонил ее мобильный телефон.

– Привет, Анна! – загудел в трубке голос старого знакомого, Андрея Петрович Тарутина, опытного тренера, который много лет назад обучал ее основам рукопашного боя и другим единоборствам, а теперь открыл свой спортзал. – Как удачно, что я тебя застал! Слава Васнецов попал в больницу, у него аппендицит, а сегодня он должен вести тренировку в школе, не могла бы ты его подменить?

Аня замешкалась с ответом, и Андрей Петрович проговорил чуть ли не умоляющим тоном:

– Только сегодня, потом я найду ему замену! У моих ребят на носу соревнования, и никак нельзя пропустить эту тренировку! Прошу тебя, выручи!

Аня многим была обязана Тарутину, а долг, как известно, платежом красен. Да и вообще работа – лучшее лекарство от дурного настроения и навязчивых мыслей.

– Хорошо, Андрей Петрович, я приеду!

– Ну и отлично! – обрадовался Тарутин. – Я всегда знал, что на тебя можно положиться!

Аня нажала кнопку отбоя и вспомнила, что договорилась встретиться с Агнией. Ну что ж, она вполне успеет приехать к ней после тренировки, только придется одеться поприличнее, чтобы не стыдно было войти в кафе, и взять с собой серебряную ладанку, которую она хотела показать подруге.

Доспехи и тяжелая одежда тянули Рагнара ко дну. Легкие его разрывались от недостатка воздуха, в глазах начало темнеть. Он понял, что настали последние мгновения его жизни, что приближается смерть – и что встретить ее нужно смело и спокойно, как надлежит настоящему викингу.

Одно только огорчало Рагнара: что он умрет не славной смертью воина от удара вражеского меча, а утонет, как жалкий рыбак. Значит, ему не суждено возродиться

в Вальхалле, обители смелых, среди славных пиров и поединков...

Он мысленно воззвал к Одину, прося у него более достойной смерти, но великий Один вряд ли услышал его молитву...

Вдруг из темной глубины моря возникло какое-то морское создание – нечто вроде огромной рыбы с острой мордой и маленькими живыми глазами. Рагнар решил, что это его смерть явилась за ним в обличье невиданного существа, что морская тварь сейчас безжалостно растерзает его, и подумал, что такая смерть будет легче и доблестнее, чем гибель от недостатка воздуха. Но вместо того чтобы растерзать Рагнара, неведомое существо подтолкнуло его носом к поверхности. Рагнар собрал оставшиеся силы, взмахнул руками – и выплыл на поверхность моря.

Он дышал, дышал и не мог наддышаться. Все его тело ликовало, жадно поглощая воздух. Рагнар ни о чем не мог думать – только дышал, дышал и дышал.

Наконец он отдышался и понял, что плывет чуть в стороне от драккара, и плывет не один.

Морское создание плыло рядом, поддерживая его, подталкивая к поверхности носом или шершавым боком, время от времени взглядывая на него круглым глазом.

Тут Рагнар вспомнил, что видел стаю таких же морских существ, когда плыл по южному морю. Эти животные неотступно следовали за кораблем, выпрыгивая из воды, словно играя, и опытный кормчий сказал, что они назы-

ваются дельфинами. Но разве дельфины водятся в северных морях?

Как случилось, что это создание оказалось рядом с ним в тот миг, когда Рагнар уже готов был принять смерть? Как случилось, что дельфин спас его, вынес на поверхность?

И тут Рагнар вспомнил слова германца-христианина, которого он встретил в одном из походов. Этот христианин говорил, что их милосердный Бог иногда совершает удивительные чудеса, чтобы спасти того, кто ему особенно дорог.

«Но ведь я, – думал Рагнар, – но ведь я даже не христианин! Какое дело до меня этому новому Богу?»

И тут он почувствовал теплое прикосновение к своей груди.

Это был кожаный кисет, в котором Рагнар хранил драгоценный камень христианского святого.

Германец дотронулся до кисета и почувствовал живое тепло, словно зеленый камень ожил и пытался согреть своего обладателя.

Так, может, все дело в камне? Может быть, это он спас Рагнара, спас уже второй раз за сегодняшний день?

Дельфин сильно подтолкнул германца – и Рагнар оказался совсем близко к скалистому берегу.

Он схватился за нависающий над водой выступ скалы, из последних сил подтянулся и выбросил свое израненное, измученное тело на сухую каменную площадку.

И тут же силы его кончились, и Рагнар провалился в благодотворное беспмятство.

Посреди большого леса находится обширный участок, окруженный высоким металлическим забором. Участок ухоженный, красивый, есть на нем и клумбы с отлично подобранными цветами, и аккуратно подстриженные хвойные деревья, и цветущие кусты рододендронов. Всем хороший участок, только тишина на нем стоит какая-то странная, неуютная, словно на кладбище. Даже птицы на нем не поют, как будто облетают они высокий забор по периметру.

Посреди этого тихого участка стоит большой бревенчатый дом.

В этом доме тоже очень тихо – не раздаются детские голоса, не играет музыка.

На втором этаже этого дома, в большой светлой комнате, сидит в кресле пожилая ухоженная женщина с волосами цвета темного меда. На столе перед этой женщиной стоит микроскоп, у ног ее лежит огромная черная собака.

Кроме этой женщины, в комнате еще два человека.

Возле окна стоит неподвижно и безмолвно невысокий худощавый мужчина с чуть раскосыми глазами, в черной униформе, и в кресле напротив хозяйки расположился молодой человек с коротко стриженными рыжими волосами.

Этот молодой человек пытается держаться уверенно и независимо, но это плохо ему удается: он вертится в крес-

ле, как будто не может удобно устроиться, то и дело поправляет волосы или трогает воротничок рубашки, словно он ему жмет.

Время от времени он бросает взгляд на хозяйку дома, но тут же отводит глаза, как от слишком яркого света.

Это и немудрено: женщина с волосами цвета темного меда, несмотря на свой возраст и обманчиво мягкую внешность, буквально излучает власть и силу.

– Еще раз расскажите мне, как это произошло, – говорит она рыжему парню обманчиво мягким, мелодичным голосом.

– Но Елена Юрьевна, – бормочет рыжий, непроизвольно дотрагиваясь до мочки своего левого уха. – Я же вам все рассказал, и не один раз! Сколько можно повторять!

– Расскажи еще, это совсем нетрудно!

– Так вот, как раз когда мы... то есть они откопали этого древнего покойника, подкатили какие-то местные отморозки...

– Подожди! Повтори еще раз, что вы нашли в могиле!

– Скелет какого-то древнего чувака... извините, викинга, так, по крайней мере, говорил Сиротин. Рядом с ним был меч, очень большой, здорово ржавый, нож в ножнах, рваный кошель с очень старыми монетами, и еще на груди большой серебряный медальон... Сиротин называл его ладанкой...

Видно было, что при этих словах женщина насторожилась.

– Как выглядела эта ладанка?

– Ну, большая такая круглая штуковина, – парень нарисовал в воздухе предмет с детскую ладонь величиной. – На ней что-то выгравировано... вроде две рыбы...

– Две рыбы? Ты уверен?

– Ну да, точно... две рыбы, как бы валетом – одна хвостом влево, другая вправо...

– Интересно... – Женщина непроизвольно сжала кулаки, но тут же взяла себя в руки и проговорила: – Дальше!

– А тут как раз подкатили бандиты.

– Подкатили? На чем?

– На двух квадроциклах. Их было четверо. Двое в камуфляже, двое в гражданском. Кроме того, мне показалось, что старший землекоп тоже был их человеком, по крайней мере, он о чем-то разговаривал с главарем бандитов и держался с ними как свой. Думаю, это он им подал сигнал, что мы что-то нашли.

– Дальше!

– Дальше бандиты... то есть их главный сказал, что заберет себе все находки. И что, если мы будем вести себя тихо, никто не пострадает. Тут мой водитель как назло дернулся, и один из бандитов застрелил его из обрезка. После этого все, само собой, затихли и боялись пошевелиться. И как раз в это время появился вертолет.

– Какой марки?

– Я в них не разбираюсь, но в нем, кроме пилота, было

три человека – Басаргин и два телохранителя.

– Дальше!

– Дальше... то есть еще до того, как вертолет подлетел и сел, бандиты спрятались на краю лагеря, предупредив всех, чтобы не выдали их присутствие. Потом Басаргин с охраной вышел из вертушки, подошел к раскопу посмотреть на находки.

– Посмотрел?

– Ну да, посмотрел, а потом велел Сиротину, чтобы он все собрал, все, что было в раскопе.

Тут я заметил, что старший землекоп и повариха экспедиции куда-то пропали, а потом началась стрельба.

– Кто начал стрелять?

– Трудно было понять, там такое творилось, но мне показалось, что первым выстрелил тот бандит, у которого был обрез, он убил телохранителя Басаргина, а потом уже начался полный хаос. В общем, всех бандитов перестреляли, убили пилота вертолета и второго телохранителя, Сиротина ранили...

– Кто убил бандитов?

– Я же говорил – когда кончилась стрельба, из кустов вышли два каких-то профи в камуфляже, и с ними наша повариха. Я так понял, что она была с ними и только прикидывалась деревенской дурочкой. Тут сразу так поумнела, будьте-нате! В общем, они забрали Басаргина, взяли раненого Сиротина и улетели на вертолете.

– А ты?

– Ну, я тоже уехал... – Рыжий отвел глаза. – Что мне было там делать? Кого ждать?

– А что стало с вещами из могилы?

– Они остались там, в лагере. Я побоялся их брать, после того, что там случилось.

– *Все* вещи остались в лагере?

Рыжий на мгновение задумался, потом мотнул головой:

– Нет, когда улетел вертолет, я взглянул на них, и там не было ладанки. Наверное, ее забрал кто-то из тех троих...

– Ты уверен, что ладанки не было в раскопе или возле него?

– Уверен! Я внимательно осмотрел все, прежде чем уехать. Да, вот еще что... когда те трое собрались улетать, они заспорили. Мужчины не хотели брать с собой Сиротина, говорили, что он все равно не жилец, а женщина – ну, та, повариха – настояла на том, чтобы взять его. Значит, она у них в авторитете...

– Говоришь, она настояла на том, чтобы взять Сиротина? Тогда, может быть, она же взяла ладанку...

– Очень может быть! – Рыжий пожал плечами.

Женщина молчала, обдумывая услышанное.

Рыжий смотрел на нее выжидательно, наконец не выдержал и проговорил:

– Елена Юрьевна, я все вам рассказал, я сделал все, что мог. Вы обещали отдать мне те фотографии...

– Неужели обещала? – Женщина криво усмехнулась. – Наверное, ты ошибаешься. Или я погорячилась. Фотографии останутся у меня, на всякий случай. Можешь не волноваться – их никто не увидит. Если, конечно, ты будешь держать язык за зубами и никому не расскажешь о том, о чем сегодня рассказал мне.

– Но Елена Юрьевна... – занял рыжий.

Женщина взглянула на него холодно и прямо, и от ее взгляда по спине у рыжего побежали мурашки.

В то же время огромная черная собака подняла голову и негромко зарычала.

– Мы поняли друг друга? – подчеркнуто сухо спросила Елена Юрьевна.

– Поняли, поняли! – поспешно ответил рыжий.

– Фелипе, проводи нашего друга! – проговорила женщина, повернувшись к безмолвному человеку у окна.

Аня подъехала к кварталу, где находился спортзал Тарутина.

Вход в спортзал был со двора.

Анна вошла в подворотню.

Обычно здесь горел яркий фонарь, но сейчас он был выключен или просто разбит, и после яркого дневного света Аня на мгновение ослепла. И в это самое мгновение из темноты выскользнула какая-то стремительная тень, и сильные руки попытались сдернуть с Аниного плеча спортивную сум-

ку.

Как всегда в таких случаях, сработали инстинкты, Аня перехватила сумку другой рукой и одновременно ударила нападающего раскрытой ладонью.

Он вскрикнул, отшатнулся, но в то же мгновение кто-то подскочил к Ане сзади, ткнул в бок чем-то острым и прошипел в самое ухо, обдав ее перегаром:

– Отдай сумку, сучка!

– Вот еще! – огрызнулась Аня и, плавно шагнув в сторону, не глядя ударила назад локтем.

Почувствовав запах перегара, Аня совершенно успокоилась: она имела дело не с профессионалами, а с какой-то мелкой шантрапой, не представляющей для нее опасности.

Сзади раздался хруст, вскрик и матерная ругань – она сломала незадачливому грабителю нос.

Не прекращая движения, Аня выбросила вперед левую ногу, ударив первого грабителя, который все еще маячил в темноте. Тот охнул, согнулся и бросился наутек.

Аня развернулась, чтобы взглянуть на дело своих рук – но второй грабитель тоже удирал в темноту, петляя, как заяц, и зажимая рукой разбитый нос.

Аня отряхнула костюм и пошла вперед.

В холле перед спортзалом она придирчиво оглядела себя в большом зеркале.

Одежда не пострадала, следов крови на ней не было, даже волосы не растрепались.

Ну, это и немудрено – на нее налетели явно какие-то мелкие уличные ханурики... одно только странно – что они промышляют возле спортивного зала, где велика вероятность нарваться на опасного, хорошо подготовленного противника.

Андрей Петрович встретил ее, представил молодым спортсменам, которых ей предстояло тренировать. Те были явно разочарованы тем, что с ними будет заниматься женщина. Особенно один – крепкий курчавый парень с красивыми темными глазами и небольшим шрамом на подбородке. Он презрительно взглянул на Аню и сказал своему приятелю вполголоса, но так, чтобы Аня его расслышала:

– Чему нас может научить эта мочалка? Что она может понимать в рукопашном бое?

Тарутин перехватил Анин взгляд и шепнул:

– Парень трудный, но способный, пойдет далеко, если его характер не подведет.

Аня переделалась в раздевалке в спортивную форму, сложила вещи в сумку. В раздевалке шкафчики были хлипкие, а у нее в сумке лежала ценная ладанка, поэтому она прошла в соседнюю комнату, где была камера хранения с надежными металлическими шкафами и где постоянно сидел дежурный.

Тут она снова столкнулась с тем же курчавым парнем, который усомнился в ее способностях.

У него была такая же, как у нее, адидасовская спортивная сумка, он поставил ее на стол и разговаривал по мобильному

телефону, судя по выражению лица, с девушкой.

Тут на пороге комнаты появился Тарутин. Он окликнул Аню, чтобы обсудить с ней план тренировки. Она поставила сумку на стол, поговорила с Андреем Петровичем, потом заперла сумку в шкафчик, взяла ключ и отправилась в зал.

Как она и ожидала, курчавый парень со шрамом (теперь Аня знала, что его зовут Петр Кнуров) пижонил, заедался и пытался оспорить ее авторитет перед остальными спортсменами.

Анна разозлилась. Она вспомнила свою недавнюю операцию по поимке Басаргина, вспомнила десятки других подобных операций и подумала, что этого зарвавшегося молоко-соса нужно поставить на место. Конечно, это непедагогично, но иногда приходится нарушать правила педагогики...

Она подняла темп упражнений, причем сама проделывала все наравне с группой. Приседания, отжимания, бег с партнером на плечах, упражнения на брусках, и все в бешеном темпе...

Через полчаса все вымотались до предела, и Кнуров перестал заедаться. У него на это просто не осталось сил.

Под конец занятия, когда они перешли к парным поединкам, Аня встала в пару с Кнуровым и несколько раз швырнула его на ковер, потом провела пару болевых приемов и эффектную атаку одновременно рукой и ногой.

Последний раз Кнуров с трудом поднялся и взглянул на Аню с явным испугом.

– Ну что, – проговорила она насмешливо. – Может «мочалка» чему-нибудь научить?

Кнуров ничего не ответил и поплелся в душ.

После тяжелой физической нагрузки Аня почувствовала себя гораздо лучше. Она приняла душ, набросила фирменный махровый халат и отправилась за своей сумкой.

Войдя в камеру хранения, она не увидела дежурного на месте.

Не придав этому значения, подошла к шкафчику, вставила ключ в замочную скважину...

И тут она заметила, что замок сломан, точнее – вырван с мясом, а дверца шкафчика незаперта.

Аня открыла шкафчик и тихо выругалась: шкафчик был пуст, ее сумка пропала.

Первой мыслью Ани было – что пропал ее самый приличный костюм, и вообще, в чем она поедет к Агнии?

Только потом она вспомнила, что в сумке была серебряная ладанка с раскопок. Ладанка, которую покойный Сиротин доверил ей и просил беречь как зеницу ока.

Не уберегла. А ведь Сиротин так просил, так на нее надеялся... это была его последняя просьба перед смертью!

В помещение быстрым шагом вошел дежурный, на лице его было виноватое и растерянное выражение.

– Вы где были? – напустилась на него Аня. – Вы почему с поста ушли? Как можно так относиться к работе?

– А что случилось-то? – забормотал тот, пытаясь агрес-

сивной манерой прикрыть чувство вины. – Что я, на минутку отойти не могу? Что я, не человек?

– Что случилось? – зыркнула на него Аня. – Шкафчик мой обчистили, вот что случилось!

– Не может быть! – Глаза дежурного предательски забегали. – У нас никогда такого не бывало, чтобы обчистить! Я только на минутку отошел... на одну минутку... мне с вахты позвонили, что жена пришла, гражданская правда, а ее там и не было... они говорят, подошла женщина, просила меня позвать, а пока они звонили, она ушла... только они говорят, что блондинка, а какая же блондинка, когда у меня жена темненькая... гражданская правда...

Он продолжал многословно оправдываться. В это время в комнату, едва волоча ноги, вошел Кнуров, покосился на Аню и дежурного, открыл свой шкафчик, достал сумку.

Через мгновение он громко чертыхнулся, повернулся к Ане и прошипел:

– Блин, ты это нарочно?

– Ты это о чем? – повернулась к нему Аня.

– О чем? – Петр продемонстрировал ей открытую сумку с женскими вещами. – Ты мне нарочно свои шмотки подсунула! Ты меня унижить хотела, да?

– Больше мне делать нечего! – фыркнула Аня и внимательно взглянула на сумку.

Это была ее сумка, со всем ее содержимым. Аня запустила руку в глубину и нащупала пакет с ладанкой.

Она облегченно перевела дыхание, забрала сумку и направилась к раздевалке, бросив через плечо:

– Мы просто перепутали сумки!

– Эй, а моя-то сумка где? – крикнул ей вслед Петр.

– А это к нему вопрос, – Аня показала на дежурного.

Не дослушав ответ Кнурова, она вошла в раздевалку.

Переодеваясь, Аня обдумывала происшествие.

Понятно, что они с Кнуровым перепутали сумки – он разговаривал по телефону, она отвлеклась на беседу с Андреем Петровичем, сумки рядом стояли на столе.

Вопрос вот в чем.

Вскрыл ли неизвестный вор первый попавшийся шкафчик или ему нужен был именно ее, Анин шкафчик, точнее – ее сумка? И только из-за их с Петром ошибки вместо ее сумки он украл сумку Кнурова?

Тут она вспомнила полупьяных хануриков, которые напали на нее в подворотне.

Они тоже хотели завладеть ее сумкой.

Значит, кому-то эта сумка очень нужна.

Не прошло первый раз – этот кто-то сделал еще одну попытку, более хитрую.

А если ему нужна была ее сумка, то что конкретно в этой сумке его интересовало?

Вряд ли это был ее брючный костюм, хотя и самый приличный в ее гардеробе.

Значит... значит, его интересовала серебряная ладанка!

Ладанка из могилы викинга!

Ведь Сиротин перед смертью говорил, что эта ладанка имеет огромную ценность...

Но кто мог знать про эту ладанку?

Кто мог знать, что она у нее, у Ани?

Это не один вопрос, поняла она, а два.

Первый вопрос: кто мог знать о том, что Сиротин нашел ладанку в могиле викинга и забрал ее оттуда?

Это вопрос довольно простой.

Про находку Сиротина могли знать те, кто был на раскопках. Правда, большая часть обитателей лагеря погибла в перестрелке с бандитами. Но уцелел рыжий электронщик, уцелели два землекопа, и они вполне могли кому-то рассказать о ценной находке.

Но вот кто мог узнать, что ладанка оказалась у нее?

На этот вопрос Аня не могла ответить, а в таких случаях она руководствовалась простым житейским правилом: если что-то не можешь сделать – не трать на это время и силы, смирись с очевидным и думай, как это можно обойти.

В любом случае нужно встретиться с Агнией и показать ей ладанку викинга. Ага скажет, действительно ли эта ладанка такая ценная, как говорил Сиротин, а может, расскажет о ней что-нибудь полезное, что-нибудь, что поможет Ане найти ответ на свои вопросы...

Аня взглянула на часы.

До встречи с подружкой оставалось чуть больше получаса,

только-только доехать.

И тут зазвонил ее мобильный телефон.

Взглянув на дисплей, Аня поняла, что звонит Агния, легка на помине.

Голос у подруги был виноватый. На заднем плане слышались оживленные голоса.

– Ань, извини, – проговорила она вполголоса. – Мы с тобой не сможем сегодня встретиться, меня шеф отправил на важную тусовку, я буду занята до позднего вечера... да, пожалуйста, вот тут немного покороче, и лака много не нужно... это я не тебе, Анята... давай перенесем это на завтра, хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.